

К ВОПРОСУ О ПУТЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ РИТМИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ АРАБСКОЙ РЕЧИ

С. Б. КАРАБЕКЯН

В основе ритмического членения арабской речи лежит понятие «харф». Харф как сегмент арабской речи представлен в виде единого звукового комплекса с постоянной (согласный) и переменной (гласный) составляющими¹.

Подобное понимание харфа подразумевает наличие любого из них в трех основных выражениях.

1. Харф, в котором полностью реализованы обе его составляющие (обозначим его CV). К этому классу харфов относятся все т. н. «подвижные» харфы (харф мутахаррик)—*ba, ka, lu, gu, si, ši, mi, ta* и мн. др.

2. Харф, в котором полная реализация согласного компонента сочетается с нулевой реализацией гласного (CØ)². К этому классу относится все множество т. н. «покоящихся» харфов (харф с̄акин)—*bØ, kØ, lØ, rØ, sØ, šØ, mØ, tØ* и др.

3. Харф, в котором выражен гласный компонент при нулевой реализации согласного (ØV). Этот класс включает в себя харфы «'алиф», «'ау » и «'я'».

Два последних класса харфов объединяются по признаку наличия замещенного компонента в просодический тип неполных мор, тогда как первый представляет тип полных мор.

Анализ ритмической структуры речи направлен прежде всего на выявление исходных элементов ритма и их функций в процессе развертывания речевого потока. В данной статье вопросы выделения элементарной ритмической единицы арабской речи рассматриваются путем исследования просодически допустимых комбинаций указанных трех классов харфов, с одной стороны, и в сопоставлении с традиционными приемами анализа ритма, применяемыми в системе арабской метрики — аруде,—с другой.

Главным свойством класса харфов CV, имеющим решающее значение для ритмической сегментации арабской речи, является невозможность остановки речи на любом ее отрезке, представленном членом данного класса. Два других класса характеризуются противоположным свойством—признаком потенциальной паузы³.

¹ См.: Г. М. Габучан. К вопросу о структуре семитского слова (в связи с проблемой «внутренней флексии»).—В сб.: Семитские языки, вып. II, ч. I, М., 1965.

² Выражение «нулевая реализация» употребляется не в фонетическом, а в фонологическом контексте. Имеется в виду не отсутствие всякой реализации компонента, а реализация его в виде звука, не имеющегося в системе фонем арабского языка.

³ См. об этом замечание А. А. Санчеса: «... на кратком слоге (полная мора—С. К.) паузы делать нельзя, следовательно, характеризуюя слог с точки зрения длины, мы не исчерпали еще всех его просодических признаков, к которым должно быть причислено еще свойство «слоговой инерции». Долгий (C+Ø, где значимым в этом отношении является завершающий элемент комбинации—С. К.) обладает свойством, обратным этому: он есть позиция во всяком случае потенциальной паузы».—А. А. Санчес. К вопросу о сущности системы арабской метрики.—В сб.: Арабская филология. М., 1968, с. 88—89.

Уже первый вывод, который может быть сделан с учетом указанных признаков двух основных просодических типов харфов, утверждает принципиальную возможность комбинаций харфов, относящихся, с одной стороны, к разным типам (полная мора+неполная мора), и с другой стороны, к типу полных мер (полная мора+полная мора); отсюда же следует вывод о невозможности существования комбинации двух неполных мор, поскольку исключено соседство двух сегментов, обладающих признаком потенциальной паузы.

Из всех вероятных комбинаций полной и неполной мор (а всего может теоретически существовать четыре таких комбинации, с учетом того, что мы имеем две неполные моры разной структуры) прежде всего отбрасываются те из них, в которых в носителя позиции находится неполная мора, ибо речь не может начинаться с сегмента—носителя признака потенциальной паузы. Оставшиеся представляют собой комбинации CV+CØ и CV+ØV. Добавив к ним определенную нами выше комбинацию «полная мора+полная мора»—Cv+Cv, мы получим три элементарные комбинации харфов, на которых зиждется ритмическая структура арабской речи.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что сочетание Cv+Cv с обеих сторон проявляет способность к бесконечному числу присоединений все новых и новых элементов Cv, так как последний обладает вышеупомянутым свойством «инерции». Сочетания же Cv+CØ и Cv+ØV обнаруживают подобную «бесконечную валентность» лишь с одной стороны—места, занимаемого сегментом Cv, полной морой, будучи замкнутыми на исходе комбинации.

Это обстоятельство позволяет нам представить указанные три сочетания в следующем, более обобщенном виде:

1. (CV) . n + (CV) . n
2. (CV) . n + CØ
3. (CV) . n + ØV, где n = 1, 2, 3...

Величина числа n в конкретной речевой ситуации, разумеется, не может быть сколь угодно велика. Это обусловлено прежде всего физиологическими возможностями человека, налагающими определенные ограничения на величину отрезков речи, доступных для беспausalного произнесения.

В процессе речи первая из приведенных нами комбинаций неизбежно тяготеет к трансформации в одну из двух других, ибо будучи открытой с обеих сторон, она по сути дела не может являться завершенным ритмическим сегментом, и может представлять собой лишь его часть, охватывающую преимущественно его начальную и срединную фазы. Две другие комбинации, таким образом, являются двумя основными формулами, в которых описываются элементарные единицы (ЭРЕ) арабской речи.

На этой основе легко определяются пограничные сигналы ЭРЕ—сочетания харфов CØ:Cv и ØV:Cv. Полученные нами формулы характеризуют и минимальную размерность ЭРЕ—они подразумевают, что любая ЭРЕ арабской речи должна обладать длиной не менее двух харфов. Отсюда следует, что ритмические сегменты могут иметь либо две фазы (начало—исход), либо три (начало—середина—исход).

Для проверки теоретически полученных критериев выделения ЭРЕ представляется целесообразным прибегнуть к методу сегментации речевого потока, применявшемуся средневековыми арабскими грамматистами—Халил ибн-Ахмадом и его последователями, при анализе ритма стиха в аруде.

Сама попытка проведения каких-то аналогий, несмотря на кажущуюся полярную противоположность канонизированных стихов и спонтанной живой речи, представляется достаточно правомерной. Ведь, с одной стороны, в основе анализа ритма стиха в аруде лежит то же краеугольное понятие харфа, а с другой—даже в канонизированной стихотворной форме существует определенное противодействие анализируемого материала рамкам правил (явление, известное в стиховедении под названием «сопротивление речевого материала»). В плане исследования эти два обстоятельства, несомненно, сближают стихотворную форму и обычный поток речи, создавая условия для продуктивного сравнительного анализа.

На начальной ступени анализа ритма стиха Халил ибн-Ахмад и его последователи применяли известный принцип *kullu ma julfaz juktab wa ma la julfaz la juktab*—

все, что произносится—пишется, а что не произносится—не пишется. Так, например, при анализе следующего бейта Мутанаббн: *kaʃā bika da, an'an tarā al. mawta šāʃijaʿ wahsbu al. maʿājaʿ an jakunna ʿamānijaʿ*, (1.1)

используя названный принцип, мы должны представить бейт в таком написании: *kaʃā bika ʃāʿ an'an taral maw tašā fijan wahes bul manā jāʿ an jakun naʿ amā nijaʿ* (1.2)

Границы между сегментами в этой записи, как видим, приходится на харфы классов С ∅ и ∅ V. В подобной записи закодировано ритмически правильное произнесение бейта.

Далее каждый С-харф условно обозначается вертикальной чертой, а сходные по своим просодическим функциям харфы классов С ∅ и ∅ V—кружочком. Запись (1. 2) приобретает следующий вид:

$||o|||o/o/o||o/o||o||o$ $||o/o||o/o/o||o||o||o$ (1.3)

Здесь фактически представлена ритмическая модель бейта, наглядно показывающая исходные элементы ритма стиха, называемые в аруде таф^с-иля.

Теперь подвергнем такому же анализу произвольно взятый отрезок арабской речи:

ǧalastu tawʃlaʿn walam, aktub satraʿn wāhidanʿ (2.1)

Применим арудический принцип записывания произносимого:

ǧalas tutawʃ lan walam. aktub sat ran wā hidanʿ (2.2)

и, наконец, преобразуем эту запись в ритмическую модель, аналогичную используемой в аруде:

$||o|||o/o||o/o/o$ $|o/o$ $|o/o$ $|o/o$ (2.3)

Уже первое сопоставление моделей (1. 3) и (2. 3) показывает, что обе они представляют собой последовательность харфов, объединенных в сходные комбинации. Каждая из таких комбинаций в (2. 3) является искомой элементарной ритмической единицей.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что каждая ЭРЕ, выделенная нами в (2. 3) является частным случаем одной из двух полученных выше основных формул, при некоторой конкретной величине числа. Последовательность (2. 3) представляет собой набор трехфазных и двухфазных ритмических единиц, большинство из которых имеют в исходной фазе харф класса С ∅.

Из последовательности (2. 3) видно, что выведенные нами на основе просодических характеристик харфов пограничные сигналы ЭРЕ—сочетания С ∅ : С v и ∅ V : С v—подтверждаются данными сегментации речевого потока. На границах ЭРЕ в (2. 3) везде можно встретить именно эти сочетания.

Анализ ритма стиха в аруде не исчерпывается получением последовательности (1. 3). В ходе дальнейшего анализа тафа или группируются в более крупные ритмические образования—части (джуз'). Просодические законы образования частей в аруде определяют их количество (8) и длину (5 либо 7 харфов). Однако, несмотря на специально оговоренные правила образования частей из тафа силей, при попытке применить правило длины для дальнейшего преобразования модели (1. 3) мы неизбежно сталкиваемся с серьезными затруднениями, поскольку бейт содержит метрические отклонения. Ориентируясь на содержащиеся в нем правильные части, мы определяем характер отклонения и получаем следующую последовательность: *faʿūluʿmaʃāʿilun faʿūlun maʃāʿilun faʿūlun maʃāʿilun faʿūluʿmaʃāʿilun* (1.4)

Таким образом, если в случаях преобразований (1. 1)—(1. 2)—(1. 3) мы следовали очевидным и единственно возможным построениям, то в данном случае из многих вариантов объединения начальных тафа силей (1. 3) мы отобрали тот, который нам подсказал контекст системы.

В преобразованиях (2. 1)—(2. 2)—(2. 3) мы без видимых затруднений определили исходные элементы ритма арабской речи. Здесь, однако, возникает проблема следующего характера: возможно ли сгруппировать ЭРЕ, обнаруженные нами в (2,3), в более крупные ритмические образования? Воспользоваться контекстом системы, как в случае (1. 3)—(1. 4), мы не имеем возможности ввиду отсутствия системы как таковой. Соответственно, прямые аналогии на этой ступени анализа теряют всякий

смысл. Однако изучение структуры частей в аруде показывает, что правила длины устанавливают фактически такую же двух- или трехфазную размерность, какая была установлена выше для ЭРЕ, если в качестве минимальной единицы оперировать уже не харфами, а непосредственно тафа Силями. Основываясь на этом наблюдении, мы можем сгруппировать ЭРЕ из последовательности (2. 3) следующим образом:

$$/|o|/|o|o / |o|o / |o|o|o|o \quad (2.4)$$

Возвращаясь отсюда к изначальной форме (2. 1), получаем:

$$\text{ǧalustu taw}Tla^n \text{ (walam 'aktub) satra}^n \text{ wāhida}^n \quad (2.5)$$

Легко заметить, что каждый из выделенных здесь нами сегментов представляет собой фонетическое слово, определяемое как «группа морфем, объединенная каким-либо фонетическим явлением...»⁴. Выделенное нами в (2. 5) фонетическое слово имеет важное значение в плане исследования ритмической структуры потока арабской речи по меньшей мере по двум причинам: во-первых, мы получаем возможность рассмотреть ЭРЕ в пределах фонетического слова, полностью описав ее функции, и, во-вторых,—рассмотреть последнее как устойчивое ритмическое образование в пределах потока речи в целом.

Определение важности значения и места фонетического слова в исследовании ритмической организации арабской речи создает необходимость уточнения содержания самого понятия. Ведь известно, что «фонетическое слово—самое неопределенное и расплывчатое из всех явлений, называемых «словом»... даже в одном и том же языке границы фонетических слов могут оказаться разными, в зависимости от того, какое фонетическое явление взять в качестве критерия...»⁵.

Очертив в нашем случае границы фонетического слова на основе просодически допустимых комбинаций исходных элементов ритма и определив его как устойчивое ритмическое образование по отношению к потоку речи, мы можем во избежание терминологической неопределенности назвать это понятие «ритмическим словом»⁶. Введение этого термина логически вытекает из результатов произведенного нами анализа, поскольку очевидно, что любое явление, представляющее собой одно из основных звеньев в цепи элементов какой-либо системы, должно быть описано в терминах са-мой системы.

Таким образом, мы получили иерархическую последовательность элементов ритмической структуры арабской речи: харф—элементарная ритмическая единица —ритмическое слово. Это основные понятия, определение которых служит базой для дальнейших теоретических построений на пути к полному описанию ритмической организации потока арабской речи.

Ա. ԿԱՐԱՔԻԿՅԱՆ.— Արաբերենի տարրական դիմապատկերի հայտնաբերումը.— Հոդվածում քննարկվում են արաբերենի դիմապատկերի կառուցվածքի տարրական միավորների հայտնաբերման ուղիները: Վերլուծության հիմքում զբղվում է «հարֆ» հասկացությանը: Նրա երեք հիմնական տարատեսակների հնարավոր համակցությունների հիման վրա տեսակետներն մոդելավորվում են տարրական դիմապատկերի, պարզարանվում նրանց կառուցվածքի ու սահմանային ազդանիշերը: Համեմատական վերլուծությամբ ցույց է տրվում, որ տեսակետներն ստացված դիմապատկերի փոքրագույն տարրերը համապատասխանում են արաբերենում գոյություն ունեցող ուսուցիչական միավորներին: Բացահայտվում է ալֆիլի մեծ, կատան միավոր՝ «դիմապատկերի բառ», և տրվում է արաբերենի դիմապատկերի կառուցվածքի միավորների հիերարխիկ հաջորդականությունը՝ հարֆ-տարրական դիմապատկերի միավոր-դիմապատկերի բառ:

⁴ С. Е. Яхонтов. О значении термина «слово».—В сб.: Морфологическая структура слов в языках разных типов. М.-Л., 1963, с. 167.

⁵ Там же.

⁶ В книге Т. П. Задоевко «Ритмическая организация потока китайской речи» этот термин употребляется в значении элементарной ритмической единицы китайской речи, тогда как в системе ритмической организации арабской речи ритмическое слово является производным ритмическим образованием.